

ВАСЬКА ЛОПАХИН

Екатерина Михайловна Ермолаева родилась в селе Васильевка Акбулакского района Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет, работает преподавателем иностранного языка. Печаталась в районных и областных газетах, в альманахе «Гостиньный Двор», журналах «Урал», «Литогранка», сборнике прозы и поэзии «Плавская осень-2015», сборнике «Я научила женщин говорить». Лауреат областного литературного конкурса имени С.Т. Аксакова за первое произведение (2003), Южно-Уральской литературной премии (2016) в номинации «Талантливая молодёжь», победитель литературного конкурса молодых писателей «Стилисты добра-2016» (Челябинск). Автор книг «Горькая отрада. Деревенские рассказы» (2014), «Зори бесслёзные» (2017). Член Союза российских писателей. Живёт в селе Благословенка Оренбургского района.

По-над степью — ветер горячий, в Урале вода парная. Зелень уже потемнела, сваялилась на жаре. А в деревенских огородах первые огурчики, помидорчики. Для Васьки — самая благодать, время «заработка», так он это называл. А тётки деревенские говорили: «Лопахинский сынок снова воровать бегаёт. Эвон, как на солнышке разохотился! У-уу, бясстьжий, ремня на него нету!»

Правы были тётки: воровал Васька. А было ему десять лет от роду. Низкорослый, лохматый, на простоватой, неброской мордуленции — густые веснушки, вылупляющиеся, как только на улице пригревать начинает. Нос у Васьки «картошкой», так люди говорили. А ему, Ваське, от этого ничуть не легче — лучше бы картошка дома водилась, чем у него на носу. А дома редко когда она появлялась, картошка эта. Всё чаще у них на столе, в шкафах стареньких — ополовиненные да пустые бутылки. Целых Васька

и не видел никогда у отца с матерью, только по половинке да пустые. Наверное, родителям бутылки эти и во сне снились, а Ваське всё больше картошка и яичница с колбасой.

Какая жизнь была у других, у тех, кого видел на улице голодный Васька, он только догадывался. Озирался по огородам, вертел жадными глазами по пупырчатым огурцам, по гладеньким, ярко-красным помидорам. В огородах было чем полакомиться, Васька ещё и родителей подкармливал помидорами, огурцами, ягодой первой, спелой-медовой. Нёс «заработанное» домой — угощать. Мать с отцом брали из его маленьких рук всё это добро, даже не спрашивая, откуда оно в Васькиных руках появилось. Да и как не взять: на одни только Васькины детские да пособие по безработице и жили. А скорее, и не жили — пропивали от радости всё за один вечер. И Ваську снова тянуло воровать, есть-то хотелось!

Воровал Васька ловко, ни разу на этом не попадался. Ходили, конечно, слухи, будто появился в деревне воришка, но никто его в глаза не видел, а не пойманный, как уж повелось, не вор. Только вот соседка тётка Ира Ковалёва подозрительной стала, мимо неё теперь не пройдёшь просто так — она ругалась, тыкала пальцами, жаловалась на Ваську местным сплетницам. И дочка её, красавица Танька, Васькина одноклассница, теперь от него нос воротила.

Только видела его, сразу отворачивалась, трясла длинными, блестящими волосами и шла мимо. Вот это было самое обидное. Глазищи у Таньки Ковалёвой — синие, нестерпимые, и вот этими глазами Танька на него и смотреть не хотела.

...Васька остановился около синего деревянного забора; совсем близко, в трёх метрах от него, росла яблоня. На яблоне висели большие, налитые полупрозрачные яблоки, висели и дразнили Ваську. Да и яблонька будто просила избавить её от тяжести, опустила ветви вниз, приуныла. Эх, давно не ел Васька яблок! Он осмотрелся: двор был пустым, на двери висел замок, жил в доме один старик Андрей Гаев — почтальон, сейчас он точно был ещё на работе. Васька всё очень хорошо обдумал, взвесил, и его ноги сами начали перелезать через дощатый забор, потом эти же Васькины ноги спрыгнули на землю и подбежали к яблоне. Ловкие Васькины руки заработали быстро и умело: они толкали яблоки в карманы, пока те не оттопырились и не раздулись, как мешки. Наконец Васька взял в руку ещё одно яблоко и побежал назад — быстрее, быстрее!

И только он схватился за забор, только перекинул ногу, как чья-то сильная и бесцеремонная рука схватила Ваську за штанину. Он, перепугавшись, даже не глянул на эту ручищу, затрепыхался, заторопился, но другая огромная рука схватила Ваську за руку, и

Васька услышал дребезжащий смех, а потом и голос:

— Ты куда это, воришка? А? Куда это ты собрался?

И только тут Васька пересилил себя и оглянулся. Перед ним стоял дед Андрей Гаев и смотрел на него из-под белёсых бровей, что стрелками ползли на лоб. Васька закрыл глаза и снова открыл, теперь уже и он прямо поглядел на деда Андрея. «Отпустите меня!» — взглядом просил его Васька, но вслух у него получился какой-то нечленораздельный мык:

— Мгы... Мгык...

...Деда Андрея Гаева в деревне знали хорошо, ведь он работал почтальоном. Он был рад своей работе: вот он уже немолод, седьмой десяток пошёл, а как хорошо утром пройтись по улочкам, размяться, послушать от сплетников небылицы! Сегодня был у деда Андрея выходной (этого-то и не рассчитал наш Васька!), и он шёл домой с прогулки. Осмотрел, как заботливый хозяин, двор и опешил: какой-то мальчуган обрывал его яблоню! «От, ёлки-палки!» — обозлился старик, тихо подкрался к Ваське и узнал его. Вспомнил дед Андрей: шёл он как-то мимо лопахинской избы (а по-другому её и не назовёшь — дом весь перекошен, перевален, забор еле-еле держится, кажется, тронь пальцем — и он упадёт), был уже вечер, а из калитки, ссутулившись, шёл маленький Васька. Гудели из окон пьяные голоса — распевались песни. А по Васькиным

щекам текли слёзы. Дед Андрей остановил мальчишку, спросил:

— Чего расплакался, казак? Чего из дома уходишь на ночь глядя?

А Васька посмотрел на старика и отвернулся, спрятал слёзы.

— Они щас драться там будут, — сказал Васька тихо.

Дед Андрей покачал головой, подошёл к нему, хотел его утешить, но мальчишка отскочил от старика.

— Уйдите, обойдусь!

Мал был ещё Васька, но с характером. Гаев пожал плечами и пошёл, оглядываясь на понурого мальчугана. Знал он и его мать, и отца. Мать Васьки, Мария, была когда-то подружкой его младшей дочери. Красавицей была, парни ей проходу не давали. А она, вся ладненькая, большеглазая, только посмеивалась над ними и никого близко к себе не подпускала. Один лишь был у Марии на сердце — Антон Лопухин, местный трудяга, что работал скотником в колхозе. И тот был ей под стать: ростом хотя и невелик, зато руки золотые, к чему ни прикасался, всё у него ладилось. А потом — как такое произошло? Перестройка, оба остались без работы, запил сначала он, потом она, а мальчишка беспризорником начал лазить по чужим дворам.

Гаев, не отрывая глаз, смотрел на Ваську. Вдруг затоптался на месте, крикнул и выдохнул тихо:

— Ай-яй-яй! Как нехорошо!

Ты, Васька, воруеть, оказывает-ся! Это как это ты до такой жизни-то...

Дед Андрей осёкся.

— Отпустите, — наконец-то попросил Васька.

Гаев поглядел на мальчишку уже по-доброму, положил на Васькино плечо руку:

— Э, нет, брат, не отпускаю...

Васька встрепенулся, вывернулся и побежал по огороду, взрывая носками ботинок взрыхлённую землю. Дед Андрей догнал его опять у самого забора.

— Не бойся, пойдём, — попросил Гаев, взял Ваську за руку и повёл его к дому.

Васька торопливо начал вытаскивать яблоки из карманов, из глаз брызнули слёзы:

— Я отдам вам всё! За... заберите, пожалуйста, не буду я так больше, честное слово... во!

Яблоки покатались по дорожке, расчёсанной чилигой, по густо-чёрной земле. На забор, отделяющий задний двор, взлетел петух и любопытным угольным глазом стал следить за происходящим.

Дед Андрей словно и не слышал Васькиных слов. Он открыл дверь и легонько подтолкнул в неё мальчишку, и Васька зашёл, трясясь от страха, порывистыми вдохами глотая запах тёплой избы.

— Так-так-так, так-так-так, — начал приговаривать дед Андрей, разувшись и рукой приглашая Ваську в комнату.

Васька зашёл и робко остановился посреди зала. «Чистота в доме у деда», — отчего-то подумалось ему.

— Внучка Танечка помогает, приходит. Давеча мне все полы перемыла. После того как бабка умерла, одна помощница у меня осталась, — словно услышав мысли Васьки, ласково улыбнулся Гаев.

«Танька Ковалёва! Точно, она же его внучка! Вот я вляпался, она теперь всё узнает!» — с горечью подумал Васька, а со стены, с фотографии, над ним словно посмеялась синеглазая девчонка.

Дед Андрей зачем-то повёл Ваську на кухню. Васька сморщился, но в кухню зашёл. Гаев усадил его за стол.

— А чё? А зачем? — спросил Васька, ёрзая на стуле.

Дед Андрей лукаво сощурился:

— Компанию не составишь?

Я тут всё один да один, уже отвык как-то от общества, уже с кошками говорить научился. А ты, казак, со мной супчика похлебай, и поговорим заодно по-мужски!

Старик хитрил: чего доброго, не согласится малой, гордость не позволит!

Васька, словно его ледяной водой окатили, вскочил из-за стола:

— Нет, нет, спасибо! Я это, я дома поем... У меня, у меня мамка... — Васька глотал слова, вместо них у него снова получалось «мгык», и он замолк. Пошёл, шатаясь от волнения, к двери. У двери развернулся:

— А яблоки я не возьму, не нужно мне это.

Дед Андрей хотел было оставить мальчишку, но вдруг в коридоре хлопнула дверь, и прямо перед Васькой вынырнула Танька Ковалёва. В руках её были те самые яблоки. Танька, как положено, поздоровалась с дедом и даже с Васькой, ничуть не удивившись его появлению в доме.

— Ты что это, дедушка, яблоки разбросал по всему двору? Я собрала половину. Сейчас ещё принесу.

Так же быстро, как и вынырнула, Танька снова нырнула в прорезь двери. Васька стоял, не зная, что ему делать. Выйти из дома? А Танька ехидно спросит: «Это ты яблоки хотел стащить? Ну-ну, на тебя похоже», — и как-как глянет своими нестерпимыми глазами, она это может, Танька эта. И Васька нерешительно затоптался на пороге.

Дед Андрей снова взял его за руку, рот его чуть тронула улыбка, и в белёсых бровях застыла тревога. Боялся старик, что Васька убежит.

— Теперь нам с тобой, Васёк, помощницу покормить надо. Как же без этого? Ты садись, обязательно садись, сейчас мы её, как положено, встретим.

«Таньку? Он — встретит?» — Васька завертелся, как его кто укусил, закрутился у двери. Но старик уверенно подвёл его к столу и усадил.

Снова вошла Танька. Косясь на Ваську и почему-то улыбаясь,

она, помыв яблоки, положила их в тарелку и поставила в центре стола. Дед Андрей тем временем расставлял тарелки с подогретым супом. Танька разложила ложки, нарезала хлеб. Она и Гаев сели рядом с Васькой.

— Ешьте, ешьте, дети. Наигрались, небось, устали. И я устал от своей прогулки, — дед Андрей хлебнул супа, и Танька, сначала откусив хлеба, тоже зачерпнула ложку.

Васькины глаза бегали то по яблокам, то по супу, то снова по яблокам. Ложку он так и не взял в руки.

— Дедушка Андрей, я... мгык... Я... не хочу, — вырвалось у него.

Гаев нахмурился. А Танька улыбнулась одними глазами-глазницами:

— Ты ешь, ешь, чего стесняться? Раз уже в гости пришёл.

— Да, — подхватил дед Андрей. — Мы гостей не выпускаем с пустым желудком.

Оба рассмеялись. Засмеялся вдруг и Васька, враз он увидел в стариковских глазах, что тот уж точно не расскажет никому, а Таньке — тем более, какой он, Васька, на самом деле «гость».

Вдруг Васька медленно встал и вышел на середину кухни.

— А руки помыть у вас можно? — спросил Васька, деловито засучивая рукава.

Дед Андрей снова расхохотался:

— Ах, вот ты какой, Васёк!

И Васька, вымыв руки, схватился за ложку и принялся за суп.

Эх, вкусным был суп! И белый хлеб с поджаристой хрустящей коркой. В первый раз в жизни Васька Лопахин поверил в чудеса.

ЧУЖОЙ

За окном университета наяривало солнце, синели рябые пятнышки лужиц, будто и не зима была. И снег лежал желтоватый, сиротливый какой-то, стыдился словно вдруг вывернувшейся весны.

А свет шёл с улицы — живой, горячий, до золотизны вытер он университетскую доску, обцеловал парты, стены, а потом прильнул и к Валиным щекам, горячо стало от него, и Валя задвинула шторку.

Она сидела в аудитории одна. Отказалась идти в буфет, ссылаясь на якобы больной зуб. С тоской посмотрела на монетку часов на руке. Как медленно идут занятия! Половина двенадцатого. Через полчаса мама должна покормить Леночку.словно в подтверждение этому у неё заныла, мелко заколола грудь. Мама покормит, нет, не из-за этого переживала Валя. Её угнетало другое...

На парте хрипло, с надрывом, завибрировал телефон. Валины глаза оживились, улыбка чуть приподняла уголки её губ. Муж.

— Алё... Да, всё хорошо... Я сегодня до пяти... А ты как? Как работа? Наладили котельную? Налаживаετε... Звонила. Леночка

спала. Скоро её кормить... Голос грустный? Почему грустный? Да нет, сегодня я почти выпалась...

В трубке — гул, стук. Валя знала: у мужа на работе иногда времени не бывает даже на обед, но для неё, Вали, он всегда выкраивал минутку. Приятно, что вспомнил, позвонил, а в животе, где-то, где по Валиным предположениям должно быть солнечное сплетение, снова что-то ковырнуло, и ещё, и ещё. А в голове устойчивое — бум, бум, как часы с боем.

В аудиторию вошла Настя и сразу зажмурилась от солнца, закрыла лицо худыми руками.

— Ну и печёт! — выдохнула она. — А ты чего, Валь, весь день такая грустная? С ребёнком всё хорошо?

Спросила и отвернулась, залистала учебник, словно забыв, что спросила. Валя не ответила. Только подалась назад, на спинку стула, как-то бессильно повисли её руки. О чём она вспомнила? Ах, да, Настя как-то сказала, что настоящих друзей в жизни никогда не бывает. Это было ещё на первом курсе. Каждый, мол, должен быть только за себя. Валя ещё с ней поспорила: что я тебе, получается, не подруга, что ли? И я, и ты — не настоящие, так?

Что ответила на это Настя, Валя не помнила.

Настя снова повернула на Валю своё обзолочённое светом лицо, распахнула синие-синие глаза:

— Вчера я билет, представляешь, купила. К родителям поеду. У них в Кувандыке тоже зима никак не наступит, какая-то квёлая зима...

— Пстой-пстой, как ты сказала, «у них» в Кувандыке? — спросила, а у самой даже завитки волос как-то завяли, устало поникли. — Быстро же для тебя он перестал быть «своим», родным.

— Ба-а! Тебя сегодня как кипятком ошпарили! Не хочешь разговаривать — так и скажи! — голос у Насти был тонким, и в нём зазвенела, словно колокольчик, запросилась наружу обида.

Валя снова не ответила. Тогда, на первом курсе, их ведь это и сроднило, свело — Кувандык. Настя была оттуда родом, с севера области, а у Вали родители из Кувандыка, частенько навещали они в родные края всей семьёй. Валя гордилась, что у неё были деревенские корни (они и сейчас жили в деревне, недалеко от Оренбурга), а Настю это, кажется, всё время смущало. «Чего здесь стыдиться? — не раз пожимала плечами Валя. — Ты гордой должна быть, что в таких местах родилась! Там же хлеба — до солнышка!» Теперь вот Настя обронила «у них». Вроде бы ничего особенного не сказала, а резануло вдруг, задело это Валю.

Хотя, в общем, её волновало другое. Ребёнка жалко, чужого ребёнка... С Валиной дочкой, слава Богу, всё в порядке, а этот... Маленький ещё, лет пять только, белый-белый, с пятнышками на худых щёчках, на

ручках. В фойе их университета висит объявление. Кровяно-красным написано, посмотришь — аж холодно становится: «Пожалуйста, помогите! Сыну сотрудницы университета требуется помощь, ребёнок тяжело болен. Нужна дорогостоящая операция». Преподаватель на лекции уточнила: ребёнок болен раком, на операцию нужно шесть миллионов рублей. Шесть! Где их взять простому секретарю, которую знала Валя, знал каждый, кто учился на факультете словесности.

А Настя... Как только у неё язык, у бешеной, повернулся! Он, наверное, вперёд неё родился, этот её язык! Словно подменили её — вот уже два месяца, как подменили.

Сначала перемену в ней Валя не заметила. Вернулась учиться после зимних каникул, на удивление всем. «А с кем же дочка? Как учиться-то будешь?» — посыпались, повалились вопросы. Валя устала объяснять: Леночка со свекровью, с утра они с Сашей Леночку — маленького тёплого кулёка — относили к ней, жили же в одной деревне, через две улицы! Потом Валя уезжала на занятия, муж — на работу.

«Не выскочила бы рано замуж, доучилась бы сначала, как все нормальные люди, — не мучилась бы сейчас, взяла бы декретный, ну не по-человечески же всё!» — упрекнула как-то Валина мать.

Рано — в двадцать лет? Может быть, и рано. Хотя, если судить по сегодняшним меркам, когда

молодёжь сначала всё старается заработать, накопить, купить, обзавестись квартирой, машиной... А потом, как точно отметил преподаватель истории, годам к сорока оглянешься на жизнь — всё вроде бы есть: достаток, работа, — а что-то главное всё-таки в жизни упущено, чего-то уже не вернуть.

Нет, не этого желала Валя. Пусть, раз уже так вышло, будут у неё к лету и диплом, и дочка. Всё ведь вытерпела: и экзамены сдавала «с животом», занятий не пропускала, и сейчас старается, ночами не спит, книжки листает.

Валя никому не жаловалась, от докучавших ей вопросов отмахивалась: «Справляюсь, чего там!» Только ей, подружке раз-единственной, как-то открылась: «Сижу за партой, а мысли... дома, с Леночкой. Учиться стало невозможно. Себя как из-под палки заставляю. А палка с каждым днём всё короче и легче становится». Настя не изменилась в лице, только чуть-чуть дёрнулась у неё правая бровь: «Ты, Валя, сама в этом виновата. Тебе всё надо успевать, а ребёнок — это не аргумент». Странно, нелепо было слышать такое от Насти: пять лет, как-никак, уже дружат! Другие-то, даже малознакомые люди, сочувствовали, а она, Настя, оказывается, нет. Но не обиделась Валя, подумав, что Настя не узнала ещё, не попробовала материнского счастья, семейной заботы. А темы этой она больше не касалась, держала всё в себе, как стараются не подходить близко к

обвалившемуся яру: шагнёшь на самый краешек — он снова и посыплется, треснет, качнётся под ногами земля...

Но дружеских отношений между ними больше не было. У неё, у Насти, когда о ночных клубах, о музыке заговаривала, даже глаза словно больше становились, как две тёмно-синие виноградины, а Вале, как любой матери, не терпелось рассказать о своём малыше: сегодня у Леночки вылез первый зуб, а вчера она в первый раз сказала: «Гу... Агу...», а на прошлой неделе... Вот и не ладился разговор, тускнели, становились будто прозрачными, Настины глаза, и Валя замолкала, словно обрывалось в ней что-то, словно ей стыдно становилось, что у неё, у счастливой, и муж есть, и ребёнок, а у Насти ещё нет. Её, Настю, ведь можно было по-своему понять: Валя сама такой беззаботной год назад была.

Но теперь Валя злилась. Эгоистка! Чёрствая эгоистка! Язык твой поганый! Или... не только язык? Ведь видела же, читала вчера и Настя объявление, ещё же вздохнула сочувственно, обронила: «Жалко ребёнка. Маленький совсем. Хорошенький».

Это только потом, когда зашла речь о благотворительности и староста Лена предложила всем сложиться по пятьдесят рублей, она, Валя, тихо запротестовала: «Пятьдесят? Только пятьдесят? Да они же не наберут, девочки! Давайте хотя бы по сто... Или по сто пятьдесят». Настя сорвалась:

— У меня папа не миллионер, не хозяин нефтяной вышки! Мне денег и на билет к родителям не хватит!

Валя посмотрела на неё, а в голове отчего-то ворохнулось: было у Насти красивое, светлое лицо, парни, в это лицо глядя, стихи сочиняли, а тут вдруг не лицо, а смятый клочок газеты: брови сдвинуты, рот искривлён, на носу неприятная складка, подбородок напряжён до того, что даже вмятины на нём, словно на рябом, появились.

— Ну, Настя, — застучалась за Валю староста Лена, маленькая круглолицая девушка. — У нас здесь вроде бы у всех папы не нефтяные магнаты... А ребёнок действительно болен, вы посмотрите на Зинаиду Фёдоровну: под глазами у неё синяки, а губы какие синюшные, страшно посмотреть. Можно же, девочки, и по сто пятьдесят, правда?

Лена — хороший оратор, на собраниях, на торжественных мероприятиях её голос всегда льётся мелодично, не сбиваясь, слова Лена подбирает всегда правильные, интонацию тоже, словно играет на гитаре и всё время подстраивается под аудиторию, под настроение. Весёлая аудитория — Лена тебе в мажоре, если же подавленная, распечаленная — Лена не растеряется, в миноре сыграет. И на эту Ленину способность красиво говорить студенты всегда отвечали с благодарностью, да и авторитетной Лена казалась в глазах сверстников. А теперь вдруг

сокурсницы не отозвались на Ленин призыв, поникли их головы, как одуванчики в степи: кто вбок, кто на дверь, кто в окно глядит.

— Мы всей семьёй на каникулах в Египет уезжаем... Последние копейки собрали... Я не могу, — разорвал напряжённую тишину густой голос Лики Морозовой.

— А я... У меня день рождения, стол накрывать нужно... — обронила Катя Вязова и застеснялась, согнулась вся, скомкалась, будто захотела поднять, вернуть то, что нечаянно выронила.

Настя в подтверждение своей правоты выразительно посмотрела на Валю: видишь, мол, не одна я такая! И лицо у неё подобрело, разгладились на нём складки, снова засветились глаза. Остальные только напряжённо промолчали. Это было вчера. А теперь Валя сидела здесь, рядом с Настей. Настя пришла сегодня в хорошем настроении: купила новую юбку в дорогом бутике. Со скидкой, конечно. Настя разглаживала воланы на подоле: кажется, немного длинновата юбочка, нужно поменять... или подшить...

«Лучше подшить, — подумала Настя, оценивающе окидывая взглядом свои ножки. Всем хороши! С её бы ножками — да в балет, вот только времечко уже не то, поздновато. — И почему только эта Валька такая особенная? Ну, всё у неё шиворот-навыворот. В кино сидит — обязательно ревёт, потом целый день у неё мысли путаются; «Войну и мир» третий раз перечитала, как

у неё мозги только не ссохлись от этой дребедени? На митинг, как дурочка, каждый год ходит, а с парнями-то, с парнями как себя до замужества вела! Мне, говорит, целоваться на первом свидании противно, мне внутренняя взаимосвязь нужна! Теперь, как замуж вышла за своего культу-у-урного, так заладила: троих детей хочу. Какие, Валечка, в наше время дети? Ты хотя бы о карьере подумала, о том, чем ты их кормить-одевать в наше время будешь? Теперь вот накуролесила с этим ребёнком. Благотворительностью занимается! Американских звёзд, что ли, по телевизору насмотрелась? Дурёха! Всё равно они эти шесть миллионов не наберут, велико ли дело: в городе шестьсот тысяч живёт, если каждому по пятьдесят на здоровьице — да это же хлеб не на что купить будет!»

В аудитории тихо, только слышно, как бьёт-стучит клювом в окно снегирь, да ветви высокого тополя об окно тихо царапают: «Шир-шшир, шшир-шшшшир...», как худыми, согретыми на горячем солнце пальцами по стеклу скользят.

Валя резко встала, почувствовав на себе колючий Настин взгляд. Холодно Вале стало от этого взгляда, словно в уральскую прорубь заглянула. Пошла по коридору, срубая своей тенью золотистый свет из кабинетов. Перед глазами — объявление, перед глазами — фотография ребёнка.

Мимо Вали прошла Зинаида Фёдоровна. Раньше, бывало, секретарь лебедем проплывала, подняв красивую голову, показывала будто, какая у неё длинная шея, а теперь шла, глядя в пол, со стороны казалось — цветулёчки да загогулины на их линолеуме рассматривала. Волосы спали на лицо, отчего на крыльях носа серые тени, что делало его острым, некрасивым.

Почти всех знала Зинаида Фёдоровна на факультете по именам. Каждый же приходил к ней со своей бедой: то справку какую выдать, то печать поставить, то бланк на пересдачу напечатать. Зинаида Фёдоровна подписывала, печатала, но никогда не молчала, не глядела исподлобья, как многие другие (всё вам, мол, не сидится, всё с проблемами со своими лезете), и про учёбу всегда спросит, и про родителей, добро, по-свойски всегда улыбнётся, да и глаза были у неё всегда с доброй, хитровой задоринкой.

Говорили, будто характер у Зинаиды Фёдоровны больно уж непокладистый: и замуж вышла поздно, и муж, мол, от неё ушёл, даже года не прожили, а она найти его теперь не может, как под землю сгинул, — ни тебе алиментов за сына, ни воспитания. Но слухам Валя не верила. Одно только знала: поздно родился у Зинаиды Фёдоровны сын, если не станет его — нет у неё больше надежды родить себе ещё, чтобы в старости радовал.

Валя догнала её. Мягко под руку взяла, заглянула в лицо. Та устало как-то, тяжело посмотрела на Валю. Именно тяжёлым показался Вале её взгляд — и одновременно чужим, равнодушным. Словно говорил он ей: «А, это ты... ты... Валя... ну, чего тебе? Чего...» А за ним, за взглядом этим — мысли, такие же отяжёлённые, беспокойные, не здесь, а там, с сыном... Тоску Валя разглядела только в самых уголках глаз, шевелилась она в них и копилась, но не желала выплеснуться наружу, обеспокоить всех своим тяжким стоном. И под этими глазами, наполненными равнодушием к себе и к ней, к Вале, вдруг дёрнулись губы в чуть заметной улыбке.

— Здравствуй, Валюша. Экзамены как? Сдаёшь?

— Сдаю... Да ну её, сессию эту. Вы лучше, Зинаида Фёдоровна, скажите мне: набрали ну хоть половиночку из денег? Хотя бы самую малость-то набрали? — спросила искренне, чувствуя, как дёрнулась вдруг рука секретаря.

— Набрали, Валя, уже прилично. Спасибо всем. Рекламу пустили на телевидение, через агентство; вот ребята из университета благотворительный концерт организывают. Слышала? Мама моя в банке немного отхлопотала. Спасибо, Валя, спасибо, — Зинаида Фёдоровна благодарила Валю так, словно все эти средства дала ей она, Валя.

И вдруг Вале стало стыдно. Стыдно, потому что видела, что

ради её спокойствия преувеличивала Зинаида Фёдоровна, потому что знала, что сдали деньги далеко не все её сокурсницы, — а те, кто сдавал, протягивали Лене только мятые десяти- и пятидесятирублёвые бумажки. С равнодушными, спокойными лицами протягивали, лишь бы отвязаться, забыть, заняться своими делами, сессия же, экзамены у всех.

— Ну, а врачи чего? — Валя остановилась даже, заставляя Зинаиду Фёдоровну тоже остановиться. — Через какое время операция?

— Операция... Нужно бы поскорее, говорят. Полгода — крайний срок, в общем, — Зинаида Фёдоровна говорила, смотрела на Валю, а Вале казалось, что видела она не её, а лицо своего сына, и думалось ей: полгода... Успеем ли?

«Крайний срок... — рассуждала о своём Валя, а в груди у неё вдруг стало горячо-горячо, колыхнулось что-то, не терпело потечь к горлу, к глазам — безнадёжным казалось положение секретаря. И Валя не могла больше ничем помочь: сегодня ведь последние, те, какие оставались с Сашинной зарплаты, деньги старосте отдала. (И Саша согласился: ничего, мол, не разбогатеет мы от этих денег, а без них не пообедем). Но кроме неё, Вали, есть же ещё на свете люди! И Валя вдруг ободрила себя: — Народу-то в городе много! Да и у нас в районе! Неужели не помогут?»

И уверенно выдохнула:

— Успеете, Зинаида Фёдоровна, вот погодите! Нас, если вместе соберётся, — нас же миллион, если даже каждый по рублю, уже же... — Валя вдруг запнулась. Опустила глаза и секретарь, отодвинулась от Вали, подалась неуклюже к стене.

Ух, болтливая натура! Она, бессовестная, на Настин язык грешила, а у самой-то! На словах-то густо, а вот на деле... Чего говорить, ободрять, когда нужно делать! Действовать! Только вот что она, простая студентка пятого курса, может сделать? В концерте участвовать она не могла, дочка же дома ждала, и так молоко, наверное, стаканами у неё в груди пропадало-сгорало, а заставить своих сокурсниц, весь факультет заставить помочь, Валя не могла, не умела. Вот если б каждый, если б вместе...

— Спасибо и на добром слове, — оживилась Зинаида Фёдоровна. — Может, всё и хорошо будет, кто знает. Сынок меня каждый день спрашивает: что, мама, когда в Москву поедет? Хочется ему в Москву, глупому, а про болезнь он ничего, молчит. Операцию же в столице будут делать, вот ему и загорелось. Сейчас, после того как в больнице отлежал, дома с бабушкой сидят. А я вот на работу.

Из окон вдруг поползли, потянулись тени. Валя даже не заметила, как враз потух, сгорел на улице свет. Опрокинулась в окна сырая какая-то, зимняя синева. Неровными, колючими полосами

по небу зачертили тучи, будто зверь когтями небесную пустоту разрывал, и набухали они на небе, как раны.

Валя посмотрела, удивившись резкой перемене, в окно, с окна — на стену в коридоре, которая тоже поблёкла вся, осела словно, потемнела. И что-то она увидела такое на этой стене, что зародилось, затарабанило быстрее в груди сердце, зацвела на её лице хитроватая улыбка.

— Зинаида Фёдоровна, как же хорошо, что я вас здесь встретила! — Валя похлопала её, как подругу, по плечу. — Вы не переживайте, Зинаида Фёдоровна, всё будет хорошо, вот увидите!

Улыбаясь, Валя побежала по коридору к двери с синей табличкой. Ей нужно скорее отпроситься с занятий, нужно поторопиться! Она должна успеть за сегодня, крайний срок — завтра. Она непременно всё сделает как надо. Из кабинета кафедры вышла, сияя. Казалась она нужной, причастной к какому-то общему делу, словно несла в себе, как те ребята, готовившие благотворительный концерт, нераскрытую тайну. Казалось, что ноги, когда Валя спускалась по лестнице, отбивали быструю, торопливую чечётку, так хотелось успеть, сделать всё правильно, чтобы знали все-все в области, чтобы захотели помочь.

Спустилась на первый этаж, сразу утонув в разноцвете ярких пальто и курток, и тоже поспешила к гардеробу. Валя вдруг представила себе белое, доброе

лицо сына Зинаиды Фёдоровны. Представила, как и его, играющего рядом с бабушкой, так внезапно настиг этот мрак.

Живые глаза у мальчонки, радостные. Она видела его однажды, когда шла от университета к остановке. Мальчонка бежал, держа за руку мать, весело подпрыгивая, даже воздух в этом его прыжке, между ногами и землёй, чисто и игриво струился.

— Мам, а это кто? Соловей? — спросил он тогда у матери, показывая на чёрную худую птицу, важегато рассевшуюся на рекламном щите.

— Нет, это ворона, сынок.

— А хорошо поёт! — восхищаясь, протянул мальчик и долго не мог оторвать от вороны глаз.

С лаской в глазах, какая бывает у всех матерей, посмотрела на сына, погладила его взлохмаченную, светлую голову Зинаида Фёдоровна.

А теперь мальчонка, съёжившись, укрывшись этой темнотой, сидел в маленькой квартире в их многоэтажке, сидел и молчал. И Валя так ясно представила себе его лицо, ставшие задумчивыми, по-взрослому серьёзными, глаза. Он, бедолага, наверное, давно не мог понять, отчего надо больше, чем обычно, даже больше, чем нужно, проводить с ним время, сидеть и подолгу глядеть на него, а потом часто, с внезапно возникшей материнской страстью и нежностью целовать его бледное лицо. Не знал он, почему все так

за него волновались и чуть ли не каждый день водили по больницам с длинными такими, почти бесконечными коридорами, невыносимо белыми, пугающими. А потом мама, когда думала, что он спит, ночью, тайком, почти беззвучно, с редкими всхлипами, плакала. И когда он к ней приходил, сонный, испуганный, сразу уговаривала его идти спать, а потом долго, с чрезмерной нежностью, укрывала одеялом и нащёптывала, нащёптывала о дальних каких-то далях, о вечной сказке...

В Валины мысли навязчиво прокрался знакомый тонкий голос:

— Валь, ты уже домой? А как же литература? Сбегаешь, что ли? — Настя, кажется, шутила. Откинув с плеч русые волосы, выжидающе смотрела на Валью.

Валя молчала. Уже подходила её очередь, и гардеробщица требовательно подставляла ладонь для номерка. Валя засуетилась, захлопала по карманам, злясь, что не приготовила номерок заранее.

— Ва-а-ля, ау! Ты на пары пойдёшь или нет? — Настя заглядывала на неё со спины, донося до Вали свежий аромат дорогих духов.

— Нет, не пойду.

— Сбежать решила?

— Да, — Валя второпях надевала куртку, не глядя в зеркало, наматывала длинный шарф.

— Ну, ты даёшь, тихоня! — Настя весело засмеялась, поправила

на Вале капюшон. — То вся правильная такая, прямо не подкопаться к ней, а то сбегает! И это человек с красным-то дипломом!

— Правильная? — не выдержала Валя, сделав шаг вперёд к ней. — Правильная, ты говоришь? А почему же ты, Настенька, неправильной стала, что даже смотреть на тебя противно? Или, может, быть как все, как стадо, — правильно? Или как там у тебя — каждый сам за себя, так? Бессовестная, эгоистка — вот ты кто, и имени у тебя больше нет!

Валя толкнула её, побежав к двери, не глядя на Настю.

— На себя посмотри! — выкрикнула Настя Вале вдогонку. — Заладила своё: благотворительность, ребёнок! Да не твой это ребёнок и не мой, чужой он, вот и всё! — последние слова Настя сказала тихо, почти шёпотом. Валя их не слышала.

Вышла на улицу и благодарно, долго вдохнула холодный, теперь уже зимний, воздух. С неба пошёл густой, частый снег. Как крупные, суетливые пчёлы, припадали его хлопья к Валиным рукам, никли своими мокрыми, рассыпчатыми жалыцами. И Валя не гнала их — пусть себе тают. Пусть.

А ей нужно скорее успеть домой, попросить маму, чтобы побыла сегодня подольше с Леночкой. Сегодня особый день, сегодня нужно — мама поймёт, не осудит. А Вале необходимо сесть за стол и написать. Написать хорошую, добротную статью — ей, Вале, и

гонорара не нужно, только чтобы прочитали, чтобы помогли. И отнести её во все возможные газеты, попросить, чтобы напечатали, должны же её понять, все ведь мы — люди, и с каждым, с каждым такое может случиться. И тогда заговорит вся область, появятся добрые, равнодушные люди, их же много, она, Валя, уверена. Конечно, добрых людей на земле больше, чем со скверной в душе.

Один за другим останавливались и распахивались перед Вале автобусы, а она волновалась: снова не тот, не её. А над головой — вот оно, низкое, как надавил на него сверху кто, всё в неровностях каких-то, в ухабинах, небо. Даже уличные фонари, казалось, подтыкали его собой — мягкое, рыхлое уже, со вздутыми, разбухшими сине-серыми тучами, с которого беспокойно падали крупные хлопья снега.

«Поскорее бы, — с замирающей и снова накатывающей радостью подумалось Вале. — Поскорее бы, крайний ведь срок уже скоро...»

А там, на краю города, смотрел на вылупившуюся вдруг зиму с удивлением и детской радостью Чужой. Он напряжённо ждал, что такие же чужие ему, как и он им, люди, живущие на одной с ним земле, подумают и о его крохотной, недавно запросившейся на свет жизни. Он-то прожил всего пять зим и пять вёсен, но эту особенную, тепло начавшуюся зиму он не забудет уже никогда.